

RU

Метафорическое моделирование конфуцианского философского дискурса

Сюй Лили

Аннотация. Данная статья посвящена изучению репрезентации концептуальной метафоры в конфуцианском философском дискурсе. Цель исследования – выявить роль различных метафорических моделей в формировании и выражении концепций конфуцианской философии, оказавших значительное влияние на духовно-культурные традиции китайской цивилизации. Когнитивно-семантический анализ текста «Великое учение» («Да-сюэ») демонстрирует ключевую функцию метафор в формировании терминологической системы конфуцианства, обосновании его основных идей и структурировании содержания и логики этого канонического текста. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые применяется семантико-когнитивный подход к анализу философской метафоры; впервые определены основные метафорические модели, характерные для конфуцианского учения, и раскрыта их значимость в формировании и передаче концепций конфуцианской философии. В ходе анализа текста было выявлено активное использование метафорических образов пространственного, светового, флористического, зооморфного, предметного характера, которые формируются в значительной степени под влиянием перцептивного опыта и культурно-исторических факторов. Проведенное исследование показало, что представление ключевых конфуцианских идей о личном самосовершенствовании, об урегулировании семейных и общественных отношений, о поддержании стабильности государства и об обеспечении всеобщего мира во всем мире в значительной степени реализуется при помощи метафорических моделей «Великое учение – Путь», «Человек – птица», «Благодать – Свет», «Обновление идеологии – Омовение тела», «Приобретение знания и истины – Расширение пространства», «Успокоение души – Выправление сердца», «Выражение искренности – Восприятие запаха и красоты», «Государство – Семья», «Совершенствование личности – Украшение тела», «Человек – Дерево» и «Богатство и благодать – Вода».

EN

Metaphorical modeling of Confucian philosophical discourse

Lili Xu

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of the conceptual metaphor in Confucian philosophical discourse. The study aims to reveal the role of various metaphorical models in shaping and expressing the concepts of Confucian philosophy, which have had a significant impact on the spiritual and cultural traditions of Chinese civilization. The cognitive-semantic analysis of the text “The Great Learning” (“Da Xue”) demonstrates the key role of metaphors in shaping the terminological system of Confucianism, substantiating its main ideas, and structuring the content and logic of this canonical text. The study is novel in that it is the first one to use the semantic-cognitive approach when analyzing philosophical metaphors. For the first time, the main metaphorical models characteristic of Confucianism have been identified, their importance in forming and transmitting the concepts of Confucian philosophy has been revealed. During the analysis of the text, it was discovered that there is an active use of metaphorical images characterized by spatial, luminous, floristic, zoomorphic, and object features, which are significantly shaped by perceptual experience and cultural-historical factors. The conducted study showed that the representation of key Confucian ideas about personal self-improvement, regulation of family and public relations, maintaining state stability, and ensuring universal peace in the Celestial Empire are significantly actualized through the metaphorical models “Great Learning – Path”, “Person – Bird”, “Grace – Light”, “Renewal of Ideology – Body Cleansing”, “Acquisition of Knowledge and Truth – Expanding Space”, “Calming the Soul – Straightening the Heart”, “Expressing Sincerity – Perceiving Smell and Beauty”, “State – Family”, “Personal Perfection – Adorning the Body”, “Person – Tree”, “Wealth and Grace – Water”.

Введение

Философский дискурс представляет собой результат рационально-теоретического осмысления фундаментальных характеристик, законов и принципов бытия, а также взаимоотношений между человеком и окружающим миром, развития природы, сознания и общества. Выступая в качестве средства воплощения мыслей и ценностей человека, он формирует «категориальное пространство мышления-говoreния о мире, о положении и роли человека в нем» (Кожемякин, Кротков, 2010, с. 347). В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что философский дискурс как особый вид дискурса включает в себя не только научно-рациональные компоненты (абстрактность, обобщенность, метаязыковость), но и художественно-эмоциональные элементы (повседневность, субъективность, интуитивность) (Горский, 2001; Зубова, 2009; Дьяченко, 2008; Калужный, 2002). Эта особенность предопределяет неотъемлемую связь философского дискурса с метафорой, которая играет ключевую роль в создании его образной выразительности и когнитивной функциональности.

Изучая метафоричность языка западных философов, таких как Делёз, Ницше и Блюменберг, многие исследователи приходят к выводу, что метафоры, служащие основой концептуально-правдивой деятельности, составляют необходимый элемент философии (Ермоленко, Кожевников, 2013; Малкина, 2012; 牛宏宝, 赵宝明, 2021). Е. О. Акишина отмечает, что метафора является природным свойством философского дискурса и «присутствует почти во всех основных модификациях философского знания» (2008, с. 7). По ее мнению, потенциал метафоры в качестве эффективного средства выражения философской идеи обеспечивает ее существенные свойства, такие как «возможность установления связи между близким и далеким объектами, единство концептуального и эмоционально-насыщенного образа, многоуровневость, ассоциативная гибкость, риторическая эффективность» (Акишина, 2008, с. 7). Из-за социальных, культурных, религиозных, исторических и других различий в лингвокультурах разных народов формируются уникальные моделирующие зоны (метафорико-метафизические базы) для описания определенных онтологических систем (Мигуренко, 2008). Несмотря на интерес исследователей к метафоричности западного философского дискурса, вопрос о метафорическом отображении идеологии, ценностей и мировоззрения древней китайской философии остается недостаточно изученным как в российской, так и в китайской научной литературе. В данной работе с позиций когнитивной лингвистики предпринята попытка выявить особенности метафорического моделирования дискурса конфуцианской философии, которая на протяжении тысячелетий оказывает существенное влияние на поведение, мышление и ценностные ориентации китайского народа.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью инновационного развития конфуцианской философии в современном мире и важностью применения новаторских подходов к ее интерпретации. В этом контексте особое значение приобретает использование когнитивно-метафорического подхода для анализа классических конфуцианских текстов. Этот подход не только способствует выявлению скрытых смыслов в конфуцианской традиции, но и позволяет более глубоко исследовать влияние исторических, культурных и социальных факторов на формирование и систематизацию китайских философских концепций.

Для достижения цели исследования в работе были определены следующие задачи: рассмотреть сущность теории концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике; раскрыть метафорическую природу философского дискурса; обосновать значимость «Великого учения» в рамках конфуцианской философии и китайской культуры; выделить метафорические модели, актуализированные в тексте «Великого учения»; провести анализ функционирования метафор различных типов в процессах формирования, изложения и обоснования концепций конфуцианской философии.

Материалом исследования послужил текст «Великого учения», который вошел в китайский философский сборник «Четверокнижие», составленный неоконфуцианским мыслителем Чжу Си, а также его русский перевод, выполненный синологом А. И. Кобзевым:

- 朱熹. 四书章句集注. 北京: 中华书局, 1983 (Чжу Си. Четверокнижие с разбивкой на статьи и фразы и собранием комментариев. Пекин: Китайское книжное издательство, 1983).
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступ. ст. Л. С. Переломова. М.: Восточная литература, 2004.

Для успешного выполнения поставленных задач были применены следующие методы: 1) метод синтеза и обобщения использовался для анализа теоретических основ метафоры в когнитивной лингвистике, исследования философского дискурса и изучения трактата «Великое учение» на основе современной научной литературы; 2) историко-этимологический анализ, лексико-семантический анализ и контекстуальный анализ применялись для раскрытия характеристик метафорической концептуализации мира в рамках конфуцианской философии; 3) методы описания, классификации и когнитивной интерпретации использовались для выделения и анализа метафорических моделей в «Великом учении», а также для определения их роли в формировании и выражении идей и принципов конфуцианства.

Теоретическую базу исследования составили работы, относящиеся к трем направлениям: 1) исследования, посвященные общим проблемам философского дискурса и его связи с метафорой (Акишина, 2008; Дьяченко, 2008; Ермоленко, Кожевников, 2013; Зубова, 2009; Кожемякин, Кротков, 2010; Калужный, 2002); 2) работы, изучающие концептуальную метафору и метафорическую модель с когнитивной точки зрения (Арутюнова, 1990; Будаев, Ворошилова, Дзюба и др., 2011; Кульчицкая, 2012; Телия, 1988; Чудинов, 2001; Kövecses, 2004; Lakoff, Johnson, 1980);

3) исследования, посвященные междисциплинарному анализу конфуцианского трактата «Великое учение» в современной научной литературе (Кобзев, 2012; Цветков, 2018; 樊继轩, 2009; 孔庆平, 2023; 刘礼明, 2014; 宁静贤, 于述胜, 2023; 牛宏宝, 赵宝明, 2021; 邱鸿钟, 2008; 王岳川, 2007; 张鸿彦, 2021; 张兴, 2021).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработанная семантико-когнитивная методика изучения философской метафоры не только открывает новую сферу применения теории концептуальной метафоры, но и имеет важное значение для современного понимания и интерпретации концепций китайской философии.

Практическая значимость определяется тем, что в работе раскрывается алгоритм когнитивно-метафорического анализа конфуцианского философского дискурса, который может использоваться для изучения текстов других философских школ и направлений. Данные практического анализа могут найти применение как в практике перевода текстов классической китайской философии, так и в лекционных курсах по когнитивной лингвистике и восточной философии.

Обсуждение и результаты

Являясь фундаментальным текстом конфуцианства, «Великое учение» привлекает устойчивый интерес исследователей и просветителей. Начиная с династии Сун литераторы и ученые выделяли его как ценный источник наставлений в поиске истинного знания, в формировании этических норм и в практике социального управления (张兴, 2021). Как отмечали Чэнь Хао (1032-1085) и Чэнь И (1033-1107), представители неоконфуцианства периодов Сун и Мин, «“Великое учение” – это книга, оставленная в наследство Конфуцием и представляющая собой врата, через которые начинающие учение приобщаются к благодати» (Конфуцианское «Четверокнижие»..., 2004, с. 91). Учитывая особое значение трактата «Великое учение», Чжу Си при составлении знаменитого конфуцианского «Четверокнижия» разместил его на первом месте, предшествующем «Лунь-юй» и «Мэн-цзы», а также «Чжун-юн». Значимость «Великого учения» для конфуцианской традиции и китайской культуры подтверждается многоязычными переводами и обширными исследованиями в области российской синологии (Кобзев, 2012; Цветков, 2018). Чжан Хунъянь отмечает, что «Великое учение» относится к числу первых конфуцианских произведений, популярных в России. Исследования и переводы этого трактата на протяжении двух столетий вносят значительный вклад не только в научное изучение конфуцианства в российском контексте, но и в развитие культурных связей и обмен между Россией и Китаем (张鸿彦, 2021, с. 197).

Кроме того, конфуцианский философский трактат «Великое учение» сохранил свою значимость и актуальность для современного общества, что находит отражение в новых интерпретациях и переосмыслении идей и концепций данного трактата в исследованиях в области современных гуманитарных наук, включая такие направления, как политология права (孔庆平, 2023), позитивная психология (邱鸿钟, 2008), педагогика высшей школы (樊继轩, 2009) и финансовая экономика (刘礼明, 2014).

Как отмечает Ван Юэчуань (王岳川, 2007, с. 60), значение «Великого учения» для гармоничного развития современного мира нельзя недооценивать. В связи с этим, изучение «Великого учения» с позиций современных теоретических подходов и методологий становится особенно важным. Основное внимание в рамках данного исследования уделяется когнитивному подходу к анализу метафорических средств, применяемых в исследуемом конфуцианском трактате.

Как известно, в традиционном языкознании метафора трактуется преимущественно как элемент языка, используемый для риторического украшения речи (Арутюнова, 1990). Однако с развитием когнитивной лингвистики взгляды на природу метафоры значительно расширились. В рамках этой дисциплины метафора рассматривается не просто как чистый языковой феномен, а как природное свойство человеческого мышления, лежащее в основе познавательного формирования концептуальной системы (Lakoff, Johnson, 1980). Согласно теории концептуальной метафоры, предложенной Лакоффом и Джонсоном, сущность метафоры заключается во взаимодействии между двумя концептуальными сферами, т. е. в проекции одной концептуальной сферы (сферы-источника) на другую (сферу-мишень) (Lakoff, Johnson, 1980). Языковая метафора является основным средством «поверхностного отражения концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» (Будаев, Ворошилова, Дзюба и др., 2011, с. 31). А метафорическая модель выступает в качестве результата моделирования концептуальных метафор на основе языковых метафор (Кульчицкая, 2012, с. 124). Отсюда можно предположить, что когнитивно-семантический анализ метафорических моделей в трактате «Великое учение» дает возможность раскрыть особенности структуры и содержания концептуального пространства, отражающего социально-этические идеалы конфуцианского философии и ключевые ценности китайской культуры.

Исследование текста «Великого учения» показало обширное использование метафор, которые выполняют функцию формирования конфуцианских терминов, интерпретации конфуцианских идей, а также структурирования логических связей между конфуцианскими концепциями. Анализ проекций концептуальных сфер в метафорических выражениях в тексте «Великого учения» позволил выявить ряд ключевых метафорических моделей, обеспечивающих глубокое понимание конфуцианских взглядов на взаимосвязь между морально-этическим развитием личности и социально-политическим контекстом в государстве, а также на роль постоянного воспитания и самосовершенствования в процессе создания гармоничного общества.

Модель «Великое учение – Путь». Среди выявленных метафорических моделей центральное место занимает модель «Великое учение – Путь», которая определяет структуру всего текста и выражает его основное

содержание. Сущность этой метафоры заключается в аналогическом рассмотрении процесса реализации великого учения как целенаправленного пространственного перемещения, имеющего путь, начальную точку, конечную точку, ориентацию и состояние. Трактат «Великое учение» начинается с выражения 大道之学 (dà dào zhī xué) («Путь великого учения» (перевод А. И. Кобзева)), в котором иероглиф 道 (dào) обозначает не столько путь, дорогу в физическом смысле, сколько метафорически выражает руководство к выполнению программы великого учения. Этот путь разделен на «три цели» (三纲 sān gāng) и «восемь этапов» (八目 bā mù), связи между которыми выражаются при помощи сочинительной сочетаемой конструкции и параллельного синтаксического ряда со словом 后 (hòu) (назад/сзади/позади), которое переносится с обозначения пространственной ориентации на выражение временной категорией: «Путь великого учения состоит в высветлении (выявлении) светлой благодати, породнении с народом и остановке на совершенном добре (достижении совершенного добра). За знанием того, как остановиться на совершенном добре (достичь совершенного добра), следует обладание упроченностью (твердостью), за упроченностью следует способность к спокойствию, за спокойствием следует способность к умиротворенности, за умиротворенностью следует способность к рассуждению» («大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善。知止而后有定，定而后能静，静而后能安，安而后能虑，虑而后能得») (здесь и далее перевод с китайского А. И. Кобзева (Конфуцианское «Четверокнижие»..., 2004)); «За выверенностью вещей следует совершенство знания, за совершенством знания следует искренность помыслов, за искренностью помыслов следует выправленность сердца, за выправленностью сердца следует усовершенствованность личности, за усовершенствованностью личности следует выравненность семьи, за выравненностью семьи следует упорядоченность государства, за упорядоченностью государства следует уравновешенность Поднебесной» («物格而后知至，知至而后意诚，意诚而后心正，心正而后身修，身修而后家齐，家齐而后国治，国治而后天下平»). Такая модель построения смыслового содержания текста демонстрирует особое внимание конфуцианской философии к последовательности, упорядоченности и систематичности в проведении действий. Эта идея также подтверждается примерами с пространственными антонимическими парами «корень-верхушка», «конец-начало», «вперед-назад», «далеко-близко»: «У вещей есть корень и верхушка. У дел есть конец и начало. Если знаешь, что раньше, а что позже, то приближаешься к Пути» («物有本末，事有终始。知所先后，则近道矣»); «Если сердце искренне стремится к чему-то, то, даже не достигая цели, не уходит от нее далеко» («心诚求之，虽不中，不远矣»).

Модель «Человек – птица». В концептуальной системе конфуцианства достижение целей великого учения аналогично прибытию в конечную точку пути, что репрезентируется иероглифом 止 (zhǐ) (остановиться/остановка). В данном случае в качестве аргументации используется зооморфная метафора, которая устанавливает параллель между человеком, стремящимся к цели, и птицей, направляющейся к месту своего отдыха: «Щебетунья-иволга останавливается на краю холма; Учитель [Конфуций] сказал: “Что касается остановки, то разве возможно, чтобы в знании того, где остановиться (止), человек уступал птице?”» («缙蛮黄鸟，止于丘隅。”子曰：“于止，知其所止，可以人而不如鸟乎？”»). С целью объяснения конкретных форм проявления совершенного добра в тексте «Великого учения» используется пример государя Вэнь, который смог с почтительной осторожностью «остановиться»: «В качестве правителя останавливался на гуманности, в качестве подданного останавливался на почтительной осторожности, в качестве сына останавливался на преданности родителям, в качестве отца останавливался на чадолюбии, в общении с соотечественниками останавливался на благонадежности» («为人君，止于仁；为人臣，止于敬；为人子，止于孝；为人父，止于慈；与国人交，止于信»). Отсюда можно сделать вывод, что в дискурсе конфуцианской философии совершенное добро представляет собой совокупность благородных качеств, проявленных в разнообразных видах поведения человека в разных социальных ролях.

Модель «Благодать – Свет». Данная метафора проявляется в наименовании и выражении первой цели великого учения – 明明 (míng míng) 德 (dé) (высветление (выявление) светлой благодати). Во-первых, свет сам по себе представляет собой природное явление. Иероглиф 明 (míng) (свет/светлый/светлить) образуется из иероглифов 日 (rì) (солнце) и 月 (yuè) (луна). В китайской традиционной культуре человек и природа (включая солнце, луну и небо) представляют одно целое и имеют общее природное начало. Словосочетание 明德 (míng dé) (светлая благодать/добродетель) отражает конфуцианскую идею о том, что добродетель изначально заложена в человеческой природе и является врожденным свойством человека.

Во-вторых, стремление к свету – это естественный инстинкт большинства существ на земле. Свет символизирует все благое, позитивное, возвышенное, к чему стремятся люди: не только надежду, знания и мудрость, но также истину, справедливость и равноправие, которые ассоциируются с ясностью, прозрачностью и открытостью. Все эти аспекты входят в смысловое содержание конфуцианского понятия 德 (dé) (благодать/добродетель).

В-третьих, свет распространяется и озаряет окружающую среду. Добродетель человека, подобно свету, также освещает окружающих его людей и оказывает воздействие на других. Для того чтобы врожденная благодать народа проявилась, благородный муж должен не только осознавать свою светлую благодать, но и распространять ее среди других. Как отмечается в «Великом учении», государь Вэнь заслужил всеобщее признание и уважение народа благодаря своей добродетельности: «Глубок был государь Вэнь. О, как, непрерывно дучась [благодатью, он мог] с почтительной осторожностью остановиться!» («穆穆文王，於緝熙敬止!»). Кроме того, в «Великом учении» слово 明 (míng) не только выполняет атрибутивную функцию, обозначая признак «светлый», но и выражает процессуальное значение, указывая на действие «высветлять/высветление»: «[Государь Вэнь] мог высветлять благодать» («克明德»); «[Император Яо] мог высветлять возвышенную благодать» («克明峻德»); «Все это сказано о высветлении [благодати] самим собой» («皆自明也»). Из-за воздействия собственных желаний и внешних факторов природная добродетель человека может оказаться затененной. Поэтому для достижения целей великого учения необходимо выяснение, познание и развитие собственной природной добродетели.

Модель «Обновление души – Омовение тела». Эта модель функционирует в трактовке понятия 亲民 *qīn mǐn*, которое буквально переводится как «породнение с народом» и подразумевает установление дружественных и гармоничных отношений с народом. Однако в научном сообществе существует мнение, ссылающееся на пароним 新 *xīn* 民 *mín*, который означает «обновление народа», т. е. пробуждение и просвещение народа, изменение обычаев и стимулирование новых социальных идей (Конфуцианское «Четверокнижие»..., 2004, с. 92). Как уже упоминали, благородный человек должен не только осознать свою врожденную добродетель, но и распространять ее среди народа, чтобы способствовать обновлению и просветлению общества. В поддержку этого мнения в «Великом учении» приводится цитата из надписи на резервуаре для омовения тела основателя династии Шан императора Тана: «Если обновишься однажды, то обновляйся каждый день, и так день за днем» («苟日新, 日日新, 又日新»). Это высказывание позволяет выделить метафорическую модель «Обновление души – Омовение тела», согласно которой непрерывный процесс самообновления и саморазвития сравнивается с регулярным очищением тела. В нем подчеркивается ключевая идея конфуцианства о необходимости постоянного самосовершенствования и стремления к обновлению как в личной жизни, так и в обществе в целом: «Осуществляй обновление народа» («作新民»); «Хотя Чжоу – старая держава, ее предопределение обновило» («周虽旧邦, 其命维新»).

Модель «Приобретение знания и истины – Расширение пространства». От метафорического осмысления мира во многом зависит воплощение смыслового содержания конфуцианских понятий 格 *gé* 物 *wù* (выверение вещей), 致 *zhì* 知 *zhī* (доведение знания до конца), 诚 *chéng* 意 *yì* (обретение искренности помыслов), 正 *zhèng* 心 *xīn* (выправление сердца), 修 *xiū* 身 *shēn* (совершенствование личности), 齐 *qí* 家 *jiā* (выравнивание семьи), 治 *zhì* 国 *guó* (упорядочивание государства), 平 *píng* 天 *tiān* 下 *xià* (уравновешивание Поднебесной), известных как восемь поэтапных задач для достижения целей великого учения. Понятия 格 *gé* 物 *wù* (выверение вещей) и 致 *zhì* 知 *zhī* (доведение знания до конца) репрезентируются при помощи метафоры расширения пространства. Иероглиф 格 *gé* изначально обозначает длинное дерево, образ продления его веток, на основе которого развиваются значения достичь, исчерпать, кончить и рама, решетка. В связи с этим словосочетание 格 *gé* 物 *wù* может пониматься как постижение существа вещей или выверение вещей. Суть этого понятия заключается в выделении универсальных законов развития вещей во вселенной. Иероглиф 致 *zhì* связан с пространственным действием довести и в словосочетании 致 *zhì* 知 *zhī* метафорически употребляется для обозначения совершенства знания. Если 格 *gé* 物 *wù* в конфуцианской философии является методом приобретения знания, то 致 *zhì* 知 *zhī* подчеркивает стремление к мудрости высшего уровня, т. е. достижение истины путем постоянной практики и обучения.

Модель «Выражение искренности – Восприятие запаха и красоты». Ключевая идея в конфуцианской концепции 诚 *chéng* 意 *yì* (обретение искренности помыслов) состоит в недопущении самообмана. Слово 意 *yì* в древнем китайском языке обозначает «звук, исходящий изнутри наружу», потом развивается значение «внутренние помыслы, воля». Словосочетание 诚 *chéng* 意 *yì* связано со спонтанным и открытым выражением своих чувств, намерений и мыслей и подчеркивает реальность и естественность индивидуального поведения. С целью выяснения содержания этого понятия в «Великом учении» проводится метафорическое сравнение проявления искренности с инстинктивным восприятием запаха и красоты: «То, что называется “сделать искренними свои помыслы”, [означает] недопущение самообмана. Подобно ненависти к гадкой воню, подобно любви к прелестной красе. Это называется самоудовлетворением» («所谓诚其意者, 毋自欺也。如恶恶臭, 如好好色, 此之谓自谦»). Искренность, таким образом, связана не только с отношением к окружающим, но и с отношением к своему внутреннему миру. Она является внутренним и врожденным свойством человека, которое неизбежно находит отражение во внешнем поведении: «Искренности внутри соответствует телесная форма снаружи. Поэтому благородному мужу необходимо быть бдительным наедине с собой» («诚于中, 形于外, 故君子必慎其独也»).

Модель «Успокоение души – Выправление сердца». Понятие 正 *zhèng* 心 *xīn* (выправление сердца) в конфуцианской философии также формируется на основе эмпирического опыта и включает в себя компоненты пространственной и телесной метафор. Иероглиф 正 *zhèng* обозначает «не склоняющийся ни на одну, ни на другую сторону, стоящий прямо, без изгибов», в то время как иероглиф 心 *xīn* – физический орган «сердце». Словосочетание 正 *zhèng* 心 *xīn* буквально означает постановку сердца в серединное, ровное положение, а в дискурсе конфуцианства метафорически выражает выправление и регулирование своих эмоций и мыслей в состоянии спокойствия и умеренности. Это выражается в «Великом учении» следующим образом: «Если личность рассержена и разгневана, то для нее недостижимо выправление. Если испугана и утрачена, то для нее недостижимо выправление. Если прельщена и обрадована, то для нее недостижимо выправление. Если опечалена и огорчена, то для нее недостижимо выправление» («身有所忿, 则不得其正; 有所恐惧, 则不得其正; 有所好乐, 则不得其正; 有所忧患, 则不得其正»). В этом примере категория абстрактного духовного мира трактуется через физическую пространственную категорию. Кроме того, в китайской культурной традиции сердце ассоциируется не только с эмоциями, но и с разумом, подчеркивая, что без вовлечения сердца человек не способен в полной мере воспринимать окружающий мир. Это особенно ярко проявляется в предложении: «Без участия сердца смотришь – и не видишь, слушаешь – и не слышишь, ешь – и не чувствуешь вкуса» («心不在焉, 视而不见, 听而不闻, 食而不知其味»). Таким образом, «выправление сердца» рассматривается как один из важнейших этапов реализации великого учения.

Модель «Совершенствование личности – Украшение тела». Эта метафорическая модель играет важную роль в формировании и понимании конфуцианского понятия 修 *xiū* 身 *shēn* (совершенствование личности). Слово 修 *xiū* в китайском языке первоначально обозначало действие «украшать какой-либо предмет», что послужило основой для значения «чинить, ремонтировать, культивировать». В сочетании со словом

身 shēn (тело) оно метафорически подразумевает воспитание в себе нравственных качеств и стремление к моральной целостности. В «Великом учении» указывается, что важным аспектом совершенствования личности является избегание пристрастности и предвзятости: «Человек в родственности и любви пристрастен, в презрении и ненависти пристрастен, в благоговейном трепете и почтительной осторожности пристрастен, в печали и жалости пристрастен, в надменности и лености пристрастен. Поэтому мало в Поднебесной таких, кто, любя, признает плохое в любимом и, ненавидя, признает красивое в ненавидимом» («人之其所亲愛而辟焉，之其所贱恶而辟焉，之其所畏敬而辟焉，之其所哀矜而辟焉，之其所敖惰而辟焉。故好而知其恶，恶而知其美者，天下鲜矣»). Отсюда следует, что конфуцианство призывает к целостности восприятия и справедливости в оценке, а также к проявлению равноправного и справедливого отношения ко всем людям и ситуациям. Пристрастность мешает усвершенствованию личности. Поэтому в тех, кого мы любим, мы должны уметь видеть их недостатки, а в тех, кого мы ненавидим, мы должны уметь видеть их достоинства.

Модель «Государство – Семья». С использованием этой метафорической модели раскрывается смысловое и структурное соотношение между концепциями 齐 qí 家 jiā (выравнивание семьи) и 治 zhì 国 guó (упорядочивание государства). Согласно конфуцианской философии, государство должно быть устроено на основе принципов семейных отношений. Как отмечается в тексте «Великого учения»: «Несущий радость благородный муж – отец и мать народа. Любить то, что любит народ, и ненавидеть то, что он ненавидит, – это называется “быть отцом и матерью народа”» («乐只君子，民之父母” 民之所好好之，民之所恶恶之，此之谓民之父母»). Правители, подобно родителям, должны заботиться о своих подданных, как о младенцах, должны руководить государством с учетом благополучия и процветания всего народа. Аналогично, подданные, как дети, должны проявлять преданность и уважение к правителям, соблюдая законы и нормы общества и заботясь о благополучии государства. Другими словами, концепция «государство – семья» подчеркивает важность гармонии и стабильности в семье и в обществе, основанной на взаимном доверии и уважении между родителями и детьми, между правителями и подданными. Эта идея оказала значительное влияние на принципы управления государством в современной китайской политике.

Модель «Гармония семьи, государства и мира – Гладь поля, реки и земли». Эта метафорическая модель выделяется по особенностям парадигматических и синтагматических отношений конфуцианских понятий 齐 qí 家 jiā (выравнивание семьи), 治 zhì 国 guó (упорядочивание государства) и 平 píng 天 tiān 下 xià (уравновешивание Поднебесной). Формирование всех этих понятий тесно связано с пространственным восприятием человека, что отражается в присутствии общего признака «ровная поверхность» в семантической структуре глаголов 齐 qí, 治 zhì, 平 píng. Иероглиф 齐 qí первоначально изображает «колосья пшеницы или риса, стоящие на одинаковой высоте», в переносном аспекте метафорически передает смысл «ровный, упорядоченный; собирать воедино, приводить в порядок»; иероглиф 治 zhì в историко-этимологическом аспекте представляет собой название реки, потом развивает значение обуздания водного потока, регулирования реки, чтобы ее поверхность была стабильной и ровной; иероглиф 平 píng в прямом значении обозначает «ровный, не имеющий выступов, шероховатостей и впадин» (часто так говорится о земле), а в переносном употребляется для выражения признака «мирный, спокойный, безмятежный, благополучный» или действия «умиротворить, успокаивать». Словосочетания 齐 qí 家 jiā, 治 zhì 国 guó и 平 píng 天 tiān 下 xià обозначают «выравнивание семьи», «упорядочивание государства», «умиротворение Поднебесной» и отражают значимость стремления гармонии в семье, государстве и мире в конфуцианской философии. Стоит отметить, что способность сочетания глаголов 齐 qí, 治 zhì, 平 píng с существительными 家 jiā (семья), 国 guó (государство) и 天 tiān 下 xià (Поднебесная) не является произвольной или случайной, а обусловлено древней китайской историей и культурой и во многом определяется их связью с колосьями, рекой и землей. Во-первых, в эпоху земледелия в Китае выращивание пшеницы и риса было основным источником семейного дохода, что определяло распределение трудовых обязательств среди членов семьи. В рамках феодальной системы земельные участки для возделывания разделялись правителем среди крупных семейств, после чего внутри семьи происходило дальнейшее деление между разными ветвями рода, так что в понятии 齐 qí 家 jiā (выравнивание семьи) скрывается мысль о равенстве и справедливости в разделении походной земли. Во-вторых, в истории Китая города и государства часто основывались вдоль водных путей, и реки могли не только способствовать процветанию нации, но и привести ее к катастрофам. Река считается жизненно важной артерией нации и играет ключевую роль в ее развитии. Задача 治 zhì 国 guó (управление государством) заключается в обеспечении стабильной и мирной жизни для населения, проживающего вдоль рек. В-третьих, в понимании древних китайцев небо подобно куполу, покрывающему землю. Как слово 平 píng (уравновешивание), так и слово 天 tiān 下 xià (Поднебесная) в китайской культуре ассоциируются с землей. В «Ши-цзин» говорится, что «Вся Поднебесная есть земля государя» («普天之下，莫非王土») (Конфуцианское «Четверокнижие»..., 2004, с. 335). Таким образом, основной задачей 平 píng 天 tiān 下 xià (уравновешивания Поднебесной) является разрешение межгосударственных конфликтов, гарантия гармонии во всем мире. Эта концепция также проявляется в одном из ключевых принципов внешней политики современного Китая – принципе мирного сосуществования.

Модель «Регулирование социальных отношений – Согласование шести сторон пространства». Идея о стремлении к гармонии социальных отношений получила отражение в понятии с ярким пространственным признаком – 絜 xié 矩 jǔ 之 zhī 道 dào (вымеренный Путь). Слово 絜 xié в китайском языке означает «мягкий шнур, используемый для измерения окружности или размеров нерегулярной формы», а 矩 jǔ – «инструмент для рисования прямых углов или квадратной формы». Понятие 絜 xié 矩 jǔ обозначает соединение форм круга и квадрата, имеющих глубокий символический смысл в китайской культуре. Круг в Древнем Китае является символом неба, вечности и бесконечности, а квадрат символизирует землю, стабильность и реальность. Небо

и земля вместе составляют вселенную. Сочетание круга и квадрата означает гармонию и баланс между небом и землей, духовным и материальным. В Древнем Китае вселенная также называется 六 liù 合 hé (шесть соединений): небо, земля и четыре стороны света, которые в пространственном аспекте соответствуют шести направлениям: 上 shàng (верх), 下 xià (низ), 前 qián (перед), 后 hòu (зад), 左 zuǒ (лево), 右 yòu (право). Идея 繫 xī 矩 jǔ 之 zhī 道 dào в конфуцианском дискурсе интерпретируется как принцип регулирования социальных отношений между людьми при помощи шести сторон пространства: «То, что ненавистно верхам, нельзя использовать в руководстве низами; то, что ненавистно низам, нельзя использовать в служении верхам; то, что ненавистно в предыдущем, нельзя использовать в проведении последующего; то, что ненавистно в последующем, нельзя использовать в следовании предыдущему; то, что ненавистно в правом, нельзя использовать в обращении с левым; то, что ненавистно в левом, нельзя использовать в обращении с правым, – все это называется “точно вымеренным Путем”» («所恶于上, 毋以使下, 所恶于下, 毋以事上; 所恶于前, 毋以先后; 所恶于后, 毋以从前; 所恶于右, 毋以交于左; 所恶于左, 毋以交于右; 此之谓繫矩之道»). Ориентационные слова в этом контексте не означают физические пространственные признаки, а символизируют людей, занимающих определенное социальное положение. 上 shàng (верх) и 下 xià (низ) ассоциируются с правителями, обладающими властью и господствующей силой, и народами, подчиненными власти и авторитетам. 前 qián (перед) и 后 hòu (зад) соотносятся со старшими поколениями, предшественниками и младшими поколениями, потомками. 左 zuǒ (лево) и 右 yòu (право) представляют людей на разных служебных должностях. Таким образом, сущность концепции «вымеренный Путь» в дискурсе конфуцианской философии состоит в соблюдении принципа человеколюбия, т. е. в любой ситуации надо ставить себя на место другого, относиться к ближним, как к самому себе. Нин Цзинсянь и Юй Шушен справедливо отмечают, что 繫 xī 矩 jǔ 之 zhī 道 dào (вымеренный Путь) проявляется в сопереживании чувствам родных, соотечественников и других народов. Представляя собой принцип самосовершенствования, регулирования межличностных отношений, упорядочения государства и уравновешивания Поднебесной, идея 繫 xī 矩 jǔ 之 zhī 道 dào может способствовать лучшему политическому и административному управлению (宁静贤, 于述胜, 2023, с. 31).

Модель «Человек – Дерево». Репрезентация этой метафоры в тексте «Великого учения» характеризуется многослойностью и служит основой для подмоделей «Благородный муж – Бамбук», «Девушка – Персик», «Благодать и богатство человека – Ствол и крона дерева». Для повышения убедительности и экспрессивности речи в «Великом учении» широко используются цитаты из «Ши цзин» («Книга песен»), отражающие историческую, природную, социальную и культурную специфику китайского народа. Во-первых, модель «Благородный муж – Бамбук» представлена в следующей цитате: «Взгляни на излучины Ци. Зеленый бамбук в них пышно растет. Есть изящный благородный муж. Как будто резной, как будто шлифованный, как будто граненный, как будто полированный. Строгий и неприступный, величественный и славный. Есть изящный благородный муж. Он никогда не может быть забыт» («瞻彼淇澳, 绿竹猗猗。有斐君子。如切如磋, 如琢如磨。瑟兮僮兮, 赫兮喧兮。有斐君子, 终不可喧兮»). В этом примере бамбук является символом не только красоты и элегантности, но и таких ценных для китайской культуры благородных качеств, как смирение, скромность, мудрость, гибкость и стойкость. Следует обратить внимание на то, что использование глаголов 切 qiē, 磋 cuō, 琢 zhuó, 磨 mó, означающих техники обработки четырех типов материалов в традиционном китайском ремесле – кости, слоновой кости, нефрита и камня, устанавливает метафорическую связь между формированием благородной личности и изготовлением украшений, где происходит преобразование некрасивого в красивое, несовершенного в совершенное. Во-вторых, модель «Девушка – Персик» выявляется из цитаты «Древо персика молодо и прекрасно. Его листва пышна и густа. Сия девушка входит в дом мужа. Быть ей в ладу с домочадцами в своей новой семье. Сначала надо быть в ладу с домочадцами в своей семье, а уж потом можно научить людей в государстве» («桃之夭夭, 其叶蓁蓁。之子于归, 宜其家人。宜其家人, 而后可以教国人»), в котором молодость и красота персика проецируются не столько на внешность девушки, сколько на ее духовный мир. В концепции конфуцианства девушка, со свойственными ей прекрасными и благородными качествами, может приносить гармонию и счастье всей семье, даже способствовать мирному сосуществованию людей в государстве. Кроме того, модель «Благодать и богатство человека – Ствол и крона дерева» используется для воплощения конфуцианской идеи о противопоставлении духовного и материального, согласно которой 德 dé (благодать) рассматривается как 本 běn (ствол/корень дерева), а 财 cái (богатство) – как 末 mò (крона/верхушка дерева). В концепции конфуцианства большое значение придается внутренней благодати человека, при этом моральное самосовершенствование считается наиболее важным, а внешнее материальное богатство – относительно незначимым: «Благодать – корень, богатство – верхушка. Если корень считается второстепенным, а верхушка – первостепенной, то [правитель] состязается с народом и потакает захватам» («德者本也, 财者末也。外本内末, 争民施夺»), поэтому «Для всех и каждого – от сына Неба и до простолюдина – усовершенствование своей личности является корнем. Невозможно, чтобы при смуте в корне верхушка была в порядке. Еще не бывало, чтобы при истощении изобилующего изобиловало истощаемое» («自天子以至于庶人, 壹是皆以修身为本。其本乱而未治者否矣。其所厚者薄, 而其所薄者厚, 未之有也»). Из этого примера следует, что порядок в государстве начинается с корректной оценки ценностей и признания важности того, что действительно заслуживает внимания. В конфуцианской философии благодать предшествует богатству, и цель приобретения богатства сводится к моральному самосовершенствованию, то есть к осуществлению собственных ценностей и целей, способствующих дальнейшему развитию общества и государства. Только правитель, стремящийся к благополучию народа, может получить его признание и уважение. Так, в «Великом учении» встречаются высказывания: «Гуманный за счет богатств развивает свою личность, негуманный за счет своей личности развивает

богатства» («仁者，以财发身。不仁者，以身发财»); «Когда богатства собираются у правителя, народ расходится от него, а когда богатства расходятся среди народа, он собирается вокруг правителя» («是故财聚则民散，财散则民聚»).

Модель «Богатство и благодать – Вода». Эта метафорическая модель иллюстрируется с помощью переноса значения глагола «*润 rùn*» в «Великом учении», который первоначально означает «увлажняться» и в русской версии был переведен А. И. Кобзевым как слово «украшать»: «Богатство *украшает* дом, благодать *украшает* личность. Когда сердце широко, тело дородно» («富润屋，德润身，心广体胖»). Важно обратить внимание на то, что в оригинальном тексте при описании функций богатства и благодати глагол *润 rùn* ассоциируется с различными характеристиками воды. В первом случае богатство как вода делает дом блестящим и красивым, а во втором благодать как вода дает личности духовное питание. Это свидетельствует о том, что конфуцианская философия не полностью отвергает роль богатства. Противопоставление богатства и благодати отражает противоречие между внешним и внутренним, между материальным и духовным.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что совмещение образно-метафорической и формально-логической тенденций составляет характерную черту конфуцианского философского дискурса. Формирование и воплощение понятий и идей конфуцианства во многом опираются на следующие метафорические модели: «Великое учение – Путь», «Благодать – Свет», «Обновление души – Омовение тела», «Приобретение знания и истины – Расширение пространства», «Выражение искренности – Восприятие запаха и красоты», «Успокоение души – Выправление сердца», «Совершенствование личности – Украшение тела», «Государство – Семья», «Гармония семьи, государства и мира – Гладь поля, реки и земли», «Регулирование социальных отношений – Согласование шести сторон пространства», «Человек – Дерево», «Богатство и благодать – Вода». Основу этих метафорических моделей составляют образные элементы пространственной, световой, флористической, зооморфной и предметной концептосфер, которые отражают социальные, географические и исторические характеристики Китая и играют ключевую роль в воплощении конфуцианских идей о самосовершенствовании личности, регулировании семейных и общественных отношений, а также в установлении порядка в государстве и мире в целом. Таким образом, можно заключить, что исследование метафорического моделирования конфуцианского дискурса позволило не только проникнуть в глубинные смыслы древней китайской философии, но и раскрыть духовные ценности и культурные особенности китайского народа.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в применении разработанной методологии анализа метафор конфуцианской философии к текстам других философских школ и направлений, включая буддийскую и даосскую философию. Важным аспектом является сопоставительное исследование философских метафор в различных культурных контекстах, а также детальное изучение проблем перевода метафорических философских высказываний с языковой, когнитивной и культурной точек зрения.

Источники | References

1. Акишина Е. О. Метафора как форма выражения философских идей: автореф. дисс. ... к. филос. н. Омск, 2008.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры. Сборник статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
3. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Красильникова Н. А. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011.
4. Горский Д. П. Абстракция // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
5. Дьяченко Г. В. Символ в философском дискурсе Н. Бердяева: лингвокогнитивный аспект: дисс. ... к. филол. н. Луганск, 2008.
6. Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15).
7. Зубова М. В. Роль метафоры в философской коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2009. № 318.
8. Калюжный В. Н. Дискурс: философский и другие // Філософська спадщина Г. С. Сковороди і сучасність. Харків: Екограф, 2002.
9. Кобзев А. И. Текстология конфуцианского канона «Да-сюэ» как историко-философская проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2012. № 4.
10. Кожемякин Е. А., Кротков Е. А. Философский дискурс // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2.
11. Кульчицкая Л. В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2012. № 11.
12. Малкина С. М. Постметафизические стратегии философии Жюль Делёза: топология философских пределов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 17.
13. Мигуренко Р. А. О роли метафоры в философском языке описания сознания // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2008. № 6.

14. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988.
15. Цветков Д. В. Особенности текста «Великое учение» («Да-сюэ») в интерпретации Д. И. Фонвизина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. № 3.
16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
17. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
18. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
19. 樊继轩. 先秦儒家的《大学之道》——对《大学》、《中庸》、《学记》中高等教育思想的再认识 // 黄河科技大学学报. 2009年. 第3期 (Fanь Цзисюань. «Путь великого учения» в конфуцианской философии в династии Цинь – переосмысление концепций высшего образования в «Да-сюэ», «Чжунь-юн» и «Сюэ-цзи» // Вестник Хэнаньского университета науки и технологий. 2009. № 3).
20. 孔庆平. 德性与权利：《大学》的政治之道 // 深圳社会科学. 2023年. 第3期 (Kun Цинпин. Добродетель и право: политический путь «Да-сюэ» // Журнал социальных наук Шэньчжэня. 2023. № 3).
21. 刘礼明. 《大学》理财之道及其对现代大学的启示 // 江苏师范大学学报. 2014年. 第5期 (Liu Лимин. Путь финансового управления в «Да-Сюэ» и его влияние на современные университеты // Вестник Цзянсуского педагогического университета. 2014. № 5).
22. 宁静贤, 于述胜. 以情为本：《大学》《黎矩》之儒家治道 // 中南大学学报. 2023年. 第3期 (Nin Цзинсянь, Юй Шушен. Основываясь на эмоциях: конфуцианская управленческая практика «се-цзюй» в тексте «Великое учение» // Вестник Центрального южного университета. 2023. № 3).
23. 牛宏宝, 赵宝明. 隐喻与真理 — 论布鲁门伯格的哲学隐喻学 // 西北大学学报(哲学社会科学版). 2021年, 第3期 (Niu Хунбао, Чжао Баоин. Метафора и истина: о философской метафоре Блюменберга // Вестник Северо-Западного университета. 2021. № 3).
24. 邱鸿钟. 儒家经典《大学》中的积极心理学思想 // 中国健康心理学杂志. 2008年. 第3期 (Qiu Хунчжун. Позитивная психология в классическом конфуцианском произведении «Великое учение» // Журнал здоровой психологии Китая. 2008. № 3).
25. 王岳川. 儒家经典重释的当代意义——《大学》《中庸》讲演录 // 西南民族大学学报. 2007年. 第10期 (Wang Юэчуань. Современное значение переосмысления классических конфуцианских произведений – интерпретация «Да-сюэ» и «Чжунь-юн» // Вестник Юго-Западного университета национальностей. 2007. № 10).
26. 张鸿彦. 《大学》在俄国的传播与影响 // 《人文论丛》. 2021年. 第1期 (Zhang Хуньянь. Распространение и влияние «Великого учения» в России // Труды гуманитарных исследований. 2021. № 1).
27. 张兴. 宋代《大学》思想演变研究. 北京：中国社会科学出版社, 2021 (Zhang Син. Исследование эволюции идей «Великого учения» в период династии Сун. Пекин: Издательство социальных наук Китая, 2021).

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда планирования философских и социальных наук города Тяньцзинь Китая, номер проекта: TJYYQN23-003.

The reported study was funded by the Tianjin Philosophy and Social Sciences Planning Foundation of China, project Number: TJYYQN23-003.

Информация об авторах | Author information

Сюй Лили¹, к. филол. н.

¹ Нанькайский университет, Китайская Народная Республика

Lili Xu¹, PhD

¹ Nankai University, The People's Republic of China

¹ lili1324559882@outlook.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.07.2024; опубликовано online (published online): 11.09.2024.

Ключевые слова (keywords): конфуцианский философский дискурс; метафорическая модель; трактат «Великое учение» («Да-сюэ»); китайская культура; теория концептуальной метафоры; Confucian philosophical discourse; metaphorical model; treatise “The Great Learning” (“Da Xue”); Chinese culture; conceptual metaphor theory.